

**ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР
ТЮМЕНСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР
СИБИРСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК**

**ВЕСТНИК АРХЕОЛОГИИ, АНТРОПОЛОГИИ
И ЭТНОГРАФИИ**

Сетевое издание

**№ 2 (61)
2023**

ISSN 2071-0437 (online)

Выходит 4 раза в год

Главный редактор:

Зах В.А., д.и.н., ТюмНЦ СО РАН

Редакционный совет:

Молодин В.И., председатель совета, академик РАН, д.и.н., Ин-т археологии и этнографии СО РАН;
Добровольская М.В., чл.-корр. РАН, д.и.н., Ин-т археологии РАН;
Бауло А.В., д.и.н., Ин-т археологии и этнографии СО РАН;
Бороффа Н., PhD, Германский археологический ин-т, Берлин (Германия);
Епимахов А.В., д.и.н., Ин-т истории и археологии УрО РАН;
Кокшаров С.Ф., д.и.н., Ин-т истории и археологии УрО РАН; Кузнецов В.Д., д.и.н., Ин-т археологии РАН;
Лахельма А., PhD, ун-т Хельсинки (Финляндия); Матвеева Н.П., д.и.н., ТюмГУ;
Медникова М.Б., д.и.н., Ин-т археологии РАН; Томилов Н.А., д.и.н., Омский ун-т;
Хлагула И., Dr. hab., ун-т им. Адама Мицкевича в Познани (Польша); Хэнкс Б., PhD, ун-т Питтсбурга (США);
Чикишева Т.А., д.и.н., Ин-т археологии и этнографии СО РАН

Редакционная коллегия:

Дегтярева А.Д., зам. гл. ред., к.и.н., ТюмНЦ СО РАН; Костомарова Ю.В., отв. секретарь, ТюмНЦ СО РАН;
Пошехонова О.Е., отв. секретарь, ТюмНЦ СО РАН; Лискевич Н.А., отв. секретарь, к.и.н., ТюмНЦ СО РАН;
Агапов М.Г., д.и.н., ТюмГУ; Адаев В.Н., к.и.н., ТюмНЦ СО РАН;
Бейсенов А.З., к.и.н., НИЦИА Бегазы-Тасмола (Казахстан);
Валь Й., PhD, О-во охраны памятников Штутгарта (Германия); Ключева В.П., к.и.н., ТюмНЦ СО РАН;
Крийска А., PhD, ун-т Тарту (Эстония); Крубези Э., PhD, проф., ун-т Тулузы (Франция);
Кузьминых С.В., к.и.н., Ин-т археологии РАН; Перерва Е.В., к.и.н., Волгоградский ун-т;
Печенкина К., PhD, ун-т Нью-Йорка (США); Пинхаси Р., PhD, ун-т Дублина (Ирландия);
Рябогина Н.Е., к.г.-м.н., ТюмНЦ СО РАН; Слепченко С.М., к.б.н., ТюмНЦ СО РАН;
Ткачев А.А., д.и.н., ТюмНЦ СО РАН; Хартанович В.И., к.и.н., МАЭ (Кунсткамера) РАН

Утвержден к печати Ученым советом ФИЦ Тюменского научного центра СО РАН

Сетевое издание «Вестник археологии, антропологии и этнографии»
зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций; регистрационный номер: серия Эл № ФС77-82071 от 05 октября 2021 г.

Адрес: 625008, Червишевский тракт, д. 13, e-mail: vestnik.ipos@inbox.ru

Адрес страницы сайта: <http://www.ipdn.ru>

© ФИЦ ТюмНЦ СО РАН, 2023

**FEDERAL STATE INSTITUTION
FEDERAL RESEARCH CENTRE
TYUMEN SCIENTIFIC CENTRE
OF SIBERIAN BRANCH
OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES**

VESTNIK ARHEOLOGII, ANTROPOLOGII I ETNOGRAFII

ONLINE MEDIA

**№ 2 (61)
2023**

ISSN 2071-0437 (online)

There are 4 numbers a year

Editor-in-Chief

Zakh V.A., Doctor of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Editorial Council:

Molodin V.I. (Chairman of the Editorial Council), member of the RAS, Doctor of History,
Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS (Novosibirsk, Russia)

Dobrovolskaya M.V., Corresponding member of the RAS, Doctor of History,
Institute of Archaeology of the RAS (Moscow, Russia)

Baulo A.V., Doctor of History, Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS (Novosibirsk, Russia)

Boroffka N., PhD, Professor, Deutsches Archäologisches Institut (German Archaeological Institute) (Berlin, Germany)

Chikisheva T.A., Doctor of History, Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS (Novosibirsk, Russia)

Chlachula J., Doctor hab., Professor, Adam Mickiewicz University in Poznan (Poland)

Epimakhov A.V., Doctor of History, Institute of History and Archeology Ural Branch RAS (Yekaterinburg, Russia)

Koksharov S.F., Doctor of History, Institute of History and Archeology Ural Branch RAS (Yekaterinburg, Russia)

Kuznetsov V.D., Doctor of History, Institute of Archeology of the RAS (Moscow, Russia)

Hanks B., PhD, Professor, University of Pittsburgh (Pittsburgh, USA)

Lahelma A., PhD, Professor, University of Helsinki (Helsinki, Finland)

Matveeva N.P., Doctor of History, Professor, University of Tyumen (Tyumen, Russia)

Mednikova M.B., Doctor of History, Institute of Archaeology of the RAS (Moscow, Russia)

Tomilov N.A., Doctor of History, Professor, University of Omsk

Editorial Board:

Degtyareva A.D., Vice Editor-in-Chief, Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Kostomarova Yu.V., Assistant Editor, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Poshekhonova O.E., Assistant Editor, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Liskevich N.A., Assistant Editor, Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Agapov M.G., Doctor of History, University of Tyumen (Tyumen, Russia)

Adaev V.N., Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Beisenov A.Z., Candidate of History, NITSIA Begazy-Tasmola (Almaty, Kazakhstan),

Crubezy E., PhD, Professor, University of Toulouse (Toulouse, France)

Kluyeva V.P., Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Kriiska A., PhD, Professor, University of Tartu (Tartu, Estonia)

Kuzminykh S.V., Candidate of History, Institute of Archaeology of the RAS (Moscow, Russia)

Khartanovich V.I., Candidate of History, Museum of Anthropology and Ethnography RAS Kunstkamera
(Saint Petersburg, Russia)

Pechenkina K., PhD, Professor, City University of New York (New York, USA)

Pererva E.V., Candidate of History, University of Volgograd (Volgograd, Russia)

Pinhasi R., PhD, Professor, University College Dublin (Dublin, Ireland)

Ryabogina N.Ye., Candidate of Geology, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Slepchenko S.M., Candidate of Biology, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Tkachev A.A., Doctor of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Wahl J., PhD, Regierungspräsidium Stuttgart Landesamt für Denkmalpflege

(State Office for Cultural Heritage Management) (Stuttgart, Germany)

Address: Chervishevskiy trakt, 13, Tyumen, 625008, Russian Federation; mail: vestnik.ipos@inbox.ru

URL: <http://www.ipdn.ru>

Рязанова С.В.

Пермский федеральный исследовательский центр, Институт гуманитарных исследований УрО РАН
ул. Ленина, 13а, Пермь, 614990

Пермский аграрно-технологический университет, ул. Петропавловская, 23, Пермь, 614990
E-mail: svet-ryazanova@yandex.ru

К ВОПРОСУ О КОНСТРУИРОВАНИИ СОЦИАЛЬНОЙ ПАМЯТИ: АНТРОПОЛОГИЯ МУЗЕЯ «ПЕРМЬ-36»

Дается представление о том, как личность конструирует имидж музея, на основе анализа экспертных интервью с создателями и руководителями музея, интернет- и СМИ-публикаций. Общественные деятели, исследователи и музейные работники предстают как основной фактор в формировании исторической памяти. Научные интересы, социальная конъюнктура и личные амбиции людей становятся определяющими в формировании музея.

Ключевые слова: авторизованный дискурс культурного наследия, политика памяти, коммеморация, антропология музея.

*«В этой истории нет текстов...»
(Из интервью)*

Введение

В современной культуре обращение к социальной памяти как коллективной, а также реализация культурной политики в этой сфере часто происходят в музее. Личность ощущает себя помещенной в историю через взаимодействие с артефактами [Мастеница, 2011, с. 29], получая возможность личной интерпретации исторических материалов и выстраивания собственных представлений об истории. Историческое пространство внутри музея формирует для воспринимающего его субъекта своеобразную «мнемоническую машину», позволяющую видеть то, чего уже не существует [Наварро, 2010, с. 7]. В процессе постоянного обращения к социальной памяти со стороны человека происходит каждодневное смыслонаделение и символическое истолкование того, что общество воспринимает как культурное наследие.

Вместе с тем исследователи признают, что не менее важной — в сравнении с набором артефактов как основания для сохранения коллективной памяти — является деятельность людей, которые конструируют музей как хранилище этой памяти [Федоров, 1992, с. 10], поэтому «коллекции... отражают деятельность этих лиц, заключают в себе социальную память о природе и человеке в окружающей его среде» [Решетников]. Антропологическое измерение музея также обеспечивается функционированием его как места социальной памяти, собрания лиц, чья деятельность подтверждена артефактами [Там же].

Именно люди как инициаторы отбора, хранения и презентации артефактов определяют понимание сущности исторических феноменов в целом и отдельных их элементов, как *in situ*, так и помещенных в искусственную среду. Л. Смит справедливо утверждает, что места и связанные с ними артефакты становятся культурным наследием не в силу факта своего существования, а из-за того, что эти материальные места и вещи кто-то создает, консервирует и организует [Смит, 2013]. Хотя любой социальный институт представляет собой выражение общей памяти для всех живущих людей [Мастеница, 2011, с. 21], лица, принимающие активное участие в материальной фиксации этой памяти, несомненно, в значительной мере определяют складывание пространства социальной памяти и наполнение его смыслами. Включение предмета в это пространство, связанное со сбором, регистрацией и изучением, подразумевает сознательный процесс отбора [Наварро, 2010, с. 4], определяемый индивидуальными особенностями личности: «культурное наследие не существует, оно создается» [Смит, 2013, с. 27]. То же можно сказать о патримониализации артефактов, которая помещает экспонирование внутри определенного дискурса [Наварро, 2010, с. 4], предполагающего наличие его инициатора. Место становится историческим наследием из-за действий, связанных с его менеджментом, консервацией и организацией посещений [Смит, 2013, с. 44]. Любое стремление прокомментировать историю [Сапанжа, 2011, с. 8] требует

наличия фигуры комментатора, исключая безличные высказывания, даже если они выглядят как таковые. Смыслы и идентичности никогда не находятся сами, они постоянно создаются в процессе обсуждения и интерпретации людьми [Смит, 2013, с. 44].

Это позволяет не только говорить о принципе антропоцентризма в формировании пространства социальной памяти, но и использовать термин «демиург», относя его ко всем сотрудникам и исследователям, играющим значимую роль в формировании и корректировке стратегии существования любого института, связанного с памятованием. «Несуществование» (по О. Наварро) в настоящее время того, что эти институты пытаются представить, расширяет до предела варианты реконструкции и интерпретации материала, провоцирует конструирование симулякров, абсолютизируя роль конструктора пространства памяти. Возникает опасность возникновения на пути индивидуальной интерпретации «нарциссической иллюзии», основанной на принципе отбора фактов прошлого для сохранения в настоящем [Смит, 2013, с. 27]. Выходом из нарциссизма может быть Авторизованный Дискурс Наследия (АДН) — своеобразный протокол фиксации факта наследия как эстетически значимого и могущего быть утраченным, повсеместно принятый на Западе [Там же, с. 28], но и он определяется субъективно, отражая работу системы идеологии, образования и СМИ в их воздействии на авторов дискурса. Эта субъективность, в которой преломляются одобренные обществом ценности и смыслы, формирует ментальность, в границах которой интерпретируется уже не только само культурное наследие, но и связанные с ним правовые и социальные проблемы [Там же, с. 30]. В условиях, когда АДН не является до конца сформированным, необычайно большое значение приобретает индивидуально-авторская трактовка и смыслонаделение содержания пространства памяти.

Обозначенный принцип важности антропного, индивидуального начала в формировании и функционировании мест исторической памяти будет рассмотрен на материале музея-заповедника истории политических репрессий «Пермь-36», в существовании которого, как представляется, деятельность «демиургов» играла и играет ключевую роль. Для прояснения обстоятельств жизни музея сделаем краткий экскурс в его социальную историю.

Сама идея музея, посвященного репрессиям в истории страны, появилась в среде пермских активистов в 1992 г. [«Пермь-36»...; Мемориал...]. Первая экспозиция была построена на территории действующей ИТК ВС 389/35 [Стаф, 2018]. Из-за сложностей экспонирования в условиях действующей колонии руководство областного УВД предложило использовать для этих целей заброшенную зону ВС 389/36. В 1992 г. для организации музея было создано ООО «Мемориал-Инок», принявшее в 1993 г. на баланс этот лагерь для создания мемориального комплекса «Пермская политзона». Все сооружения на этой территории получили статус памятника истории местного значения [Постановление администрации Пермской области № 156...], после чего начались работы по консервации и мемориализации [«Пермь-36»...]. Для работы с содержательной частью экспозиции был создан общественный научно-исследовательский центр «Урал-ГУЛАГ».

В 1994 г. по решению администрации области был создан мемориальный музейно-архивный комплекс «Мемориал жертв политических репрессий» [Постановление администрации Пермской области № 235...] под руководством В.А. Шмырова. В сентябре 1995 г. состоялось открытие музея, в котором был отреставрирован барак особого режима и созданы первые выставки о заключенных участка, была одобрена инициатива сотрудников Пермского отделения общества «Мемориал» и музейщиков по созданию мемориального музея истории политических репрессий и тоталитаризма в СССР, составлен генеральный план развития [Постановление губернатора Пермской области № 375 от 15.12.1995...]. В 1996 г. музей был открыт для посетителей.

В 1997 г. была принята программа «Мемориальный музей истории политических репрессий и тоталитаризма в СССР (Пермь-36)» [Программа...], утвержденная в 2002 г. областным законом об областной целевой программе «Мемориальный центр истории политических репрессий “Пермь-36” на 2002–2005 годы» [Закон Пермской области...]. В 2005 г. рядом с музеем был заложен мемориальный парк «Лес памяти жертв политических репрессий», начато проведение фестивалей гражданской песни «Пилорама» (впоследствии гражданского форума) и акции «Прощай, ГУЛАГ!» [Музей истории политических репрессий «Пермь-36»...]. С этого момента музейный комплекс функционирует как общественная площадка для обсуждения актуальных вопросов осмысления прошлого и настоящего больше, чем только территория с экспонатами. Акцентом в работе форума становится рассмотрение политических вопросов. По этой причине в 2013–2014 гг. форум «Пилорама» превращается в основание для обвинений в адрес дирекции музея, приведших к смене управления и статуса музея: из общественного он стал государственным.

Пришедшее на смену новое руководство первыми проектами вызвало волну критики [Началось уничтожение музея «Пермь-36»]. Выставка «Переломаны буреломами» в 2015 г. вызвала множество негативных откликов со стороны общественности [Holm, 2015]. После публикации в 2016 г. на сайте музея статьи, утверждавшей эффективность «шарашек», музей был вынужден восстанавливать репутацию путем публичных извинений [Руководство музея «Перми-36» наказали за оправдание сталинских «шарашек»] и коррекции тем проектов. В 2019 г. администрацией учреждения была принята концепция развития музея до 2030 г. [Концепция...].

Представляется, что события на протяжении всей истории существования музея «Пермь-36» имеют прежде всего антропологический вектор измерения и антропологический фактор изменения как определяющие. Во многом эта ситуация связана и с характером экспонируемого материала и отсутствием единой, установленной обществом, концепцией того, как должно восприниматься культурное наследие такого рода. Поскольку в России, как упоминалось, не сложилось аналога «Авторизованного Дискурса Наследия», большую роль в восприятии и интерпретации травмирующих событий прошлого начинает играть фигура собирателя/интерпретатора полученного материала. При этом интерпретация оказывается более значимой, так как процесс отбора материала ограничен отдаленностью событий во времени и самим характером памятника, изначально не предполагавшегося к музеефикации.

Поскольку население окрестных деревень заняло позицию игнорирования и осуждения в отношении создания музея¹, а бывшие сотрудники зон «Пермского треугольника» (35, 36 и 37) почти не привлекались к реконструкции памятника, определяющее значение имели и имеют организаторы/руководители музея и привлекаемые ими в качестве научных руководителей и сотрудников исследователи.

В связи с этим исследовательский вопрос формулируется как попытка установить роль антропологического фактора в формировании музейно-экспозиционного пространства для тех музеев, где ведущую роль играют реконструкция и интерпретация. Предлагаемая методика может быть использована при решении аналогичных задач в социально-антропологических исследованиях роли человеческого фактора в формировании социальных институций. Задачи исследования включают в себя установление ключевых фигур в создании и «реформировании» музея «Пермь-36»; определение их личной позиции и роли в функционировании музейного комплекса; выявление специфики влияния антропного фактора на музейное пространство в рассматриваемом случае.

Решение поставленных задач определило принцип исследования, которое построено на серии экспертных интервью с гайдом свободной формы, что вызвано большим количеством различий в ролях опрашиваемых участников истории «Пермь-36». В силу невозможности взять интервью у одного из экспертов по состоянию его здоровья, был использован набор выступлений в СМИ [«Нужно, чтобы посетитель не только увидел, а понял — что такое ГУЛАГ»; Виктор Шмыров: «Новая команда, безусловно, перепрофилирует музей “Пермь-36”»; Виктор Шмыров: Мы надеялись, что скажут: «Извините, кто-то ошибся»; История человека, история музея «Пермь-36»; Баталина]. В ходе исследования были опрошены как те, кто стоял у истоков музея, так и работавшие в нем в качестве научных руководителей / заместителей директора по научной работе / ведущих научных сотрудников (когда должность заместителя по научной работе была отменена). Исключение составляют эксперты №№ 4 и 5, работавшие в музее на ранних этапах его существования в качестве волонтеров. Интервью с ними используются в качестве верифицирующего материала для информации, данной ключевыми респондентами. Для сохранения анонимности эксперты, чьи интервью были использованы в данной работе, в тексте обозначены под номерами. Такая обезличенность связана и с тем, что для рассматриваемой темы половозрастные характеристики, национальность, образовательный ценз и т.п. аспекты, как представляется, не играют значимой роли. Основной упор делается на то, каким образом разворачивается антропологический фактор при конструировании музея памяти.

Тема материального воплощения культурной травмы репрессий в виде музеев и мемориалов обычно раскрывается в рамках аффективного подхода, предполагающая аналитическое описание источника аффекта (экспозиции или истории создания и функционирования музея), как в рамках отечественных [Лебедева, 2018; Стаф, 2018; Семенов, 2020; Рождественская, 2017], так и зарубежных работ [Violi, 2012; Radonić, 2017; Simko, 2020; Практики и места памяти в Ка-

¹ Об этом свидетельствуют аудиоматериалы интервью, собранные сотрудниками музея Пермь-36 в конце 1990-х гг., предоставленные автору статьи.

захстане..., 2016]. В ряде случаев в рамках того же подхода происходит исследование восприятия аффекта в русле «исследований посетителей» (visitor studies) [Skulski, 2019; Постная, 2016]. Особого внимания заслуживают «новые музеи» [Williams, 2007; Message, 2006; Sodaro, 2018], под которыми понимаются прежде всего мемориальные комплексы. Сложился блок работ, посвященных непосредственно музеям памяти как явлению (подробный обзор литературы см.: [Иванова, Юренева, 2021; Митрофанова и др., 2022]). Часть научных трудов посвящена непосредственно музею «Пермь-36» [Стаф, 2018; Гизен, 2015; Vogumit, 2018, 2021; Гулаг в российской памяти, 2011]. Исследователи приходят к выводу [Политика аффекта..., 2019], что новизна этих мест памяти заключается в особой роли материальности, за счет аффекта как метода вовлечения посетителя в процесс конструирования культурной травмы. Часть авторов [Сульжицкий, 2018; Oushakine, 2013] обращает внимание на то, что аффекты бывают разными, и развитие некоторых из них в целях привлечения посетителей лишает мемориальные музеи изначально заложенного в них смысла, заключающегося в избегании ошибок прошлого.

Основная часть

Примечательно, что до настоящего времени не появилось работ, акцентирующих внимание не на особенностях восприятия посетителей, а на специфике формирования музейного пространства через восприятие основных действующих акторов. Их авторство по отношению к экспозициям, посвященным значимым событиям прошлого, позволяет относить сотрудников музея к так называемым мнемоническим актерам как субъектам влияния на официальную и спонтанную культуру социальной памяти [Олик, 2018, с. 40]. Представляется важным в исследовании принципов формирования музейной структуры и пространства обратить внимание на роль антропологического фактора. Его роль определяется в предлагаемом тексте через выделение личных высказываний как индикаторов участия человека / группы людей в жизни музея «Пермь-36», содержащихся в интервью и имеющих явное значение для собеседника.

Я и моя роль. Первую группу высказываний определим как «я и моя роль». Набор своих ролей и их значимость в музейном пространстве у респондентов различаются, тем не менее, подчиняясь единой идее «я — творец не только музея, но и всего социокультурного контекста вокруг него». Только один из участников опроса (№ 8) признался, что напросился сам, поскольку «было интересно». В других случаях роль определяется как право первенства в руководстве — «я был первым научным руководителем центра, который еще не назывался «Пермь-36» (№ 1), «пришел помочь создать государственный музей, не частный, а государственный» (№ 10), либо как обоснование своей необходимости для факта создания музея: «А. М. и В. сказали о том, чтобы я помог... в открытии этого музея» (№ 1); «изначально мы с В. были душой этого проекта» (№ 9), либо как указание на технические аспекты работы: «мы... разными способами... начали ездить по зонам» (№ 9). Вне зависимости от выполняемой функции, каждый из экспертов определяет свою нишу в функционировании мемориала. Она может быть связана с общенаучной и музейной деятельностью — «Мы разрабатываем всю концепцию. Мы разрабатываем тематико-экспозиционный план, по которому будет создаваться экспозиция. Если будет такая экспозиция, то вполне понятно, что музей приобретет огромную известность» (№ 7), либо иметь прикладной характер — «я, помимо всего прочего, отвечал за экскурсии и пытался какую-то подготовку экскурсоводов проводить, своеобразное повышение квалификации. Давалось это очень сложно, потому что практически все экскурсоводы... не имели исторического образования... они должны были сдавать экскурсии, я прослушивал» (№ 6); «при реформировании музея со мной консультировались... кого поставить директором» (№ 9). В обоих вариантах в рассказе формируется представление о центральной роли работников музея, в противовес стандартам, требованиям, мнению общественности, вовлеченности посетителей и т.п. Масштаб проведенной работы в интервью контрастирует с числом участников: «Это была инициатива узкого круга людей. Нас было 5–6 человек» (№ 7). В одной из версий происхождения музея респондент напрямую утверждает: «Я предложил... пойти по этой стезе» (№ 9).

Значимость человеческого фактора выходит за рамки музея и помещается на уровень региона: «Чиновники принимают нашу концепцию, а концепцию просветительской экспозиции разрабатываем мы» (№ 7). Команда музея тем самым начинает выполнять педагогико-дидактические функции: «NN сказала: "...вы ведь воспитываете не только поколение Пермского края, но и начальство Пермского края воспитываете... и они начинают вам доверять... решения принимают, начинают в них участвовать, выделяют денежку на ремонт и даже становятся руководителями оргкомитетов"» (№ 3). В некоторых случаях рамки известности расширяются («мы

попали на обложку «Нью-Йорк Таймс» (№ 9)), а «обучение» становится международным: «четыре раза подряд приезжал директор музея в Освенциме П.Ц. Когда он знакомился с тогдашним губернатором... тот ему сказал: “Вы с нами поделитесь опытом...”, а Ц. ответил: “Я сюда учиться приезжаю!”» (№ 7, аналогично — № 9).

Я и мои усилия. Поскольку занятие должности и намерения сами по себе не означают высокой степени участия, в устных нарративах была выделена вторая группа высказываний — «я и мои усилия». Она указывает, насколько, по мнению собеседников, были важны их преобразующие усилия по отношению к музею. Здесь уровень вовлеченности может различаться: от формального выполнения обязанностей до преодоления невероятных трудностей. Очевидно, что изначально работа носила альтруистический характер — «на нашей волонтерской деятельности все было построено... все помогли, как могли» (№ 9),— а в дальнейшем роли начали различаться. Так, эксперт № 2 оценивает свое участие очень сдержанно: «В 2014-м году произошли понятно, известные события, и мы... какое-то время я тоже смотрел со стороны, особо не разбирался в этом и не вникал, подписал все эти петиции, которые на защиту музея были адресованы». В противовес ему другой сотрудник постоянно делает упор на проблематичности деятельности: «с огромным трудом достали список телефонов»; «очень трудная работа, мы на это убили почти два месяца»; «добираться тогда было очень сложно... дорога была очень тяжелая» (№ 1). Повседневный функционал превращается, по его представлениям, в миссию спасения — «надо было спасти сам музей»,— на которую человек обречен: «Для меня даже не было какого-то морального выбора. <...> Я принял для себя решение... нести эту... Этот крест... До конца, да... уйти мне никак не удастся» (№ 1). Встречается и «средний вариант» оценки своей работы как обусловленной сложившейся ситуацией: «Я посмотрела, как это все идет... мне все это до черта надоело, я поняла, что все идет крахом... процессы я взяла в свои руки» (№ 3). Любопытной представляется версия оценки себя «от противного», через указание, что без участника / участников деятельности стало хуже: «При нас-то это все было... <...> После нас, насколько я знаю, от этого мало что осталось» (№ 6). Вне зависимости от степени осознания говорящими важности себя для жизни музея, все высказывающиеся едины в утверждении, что без определенных людей ничего бы не было, все держалось / держится на них.

Я и артефакты. Помимо концептуальной составляющей в музейном пространстве большое значение имеют артефакты и способы их представления в экспозиции, также проекты, в которых музей транслирует свои сообщения обществу. Только один из опрошенных уверен, что не смог реализовать задуманное, имея для этого административный ресурс и экспонаты (№ 8). Набор высказываний, связанных с этой темой, указывает не только на важность общей работы сотрудников («мы вместе работали» (№ 1)), но и на большее значение индивидуальных решений в противовес принятым программам и мнению большинства. Это находило выражение и в процессе создания основной экспозиции, при разрешении споров о восстановлении «гулаговской» части зоны: «сохранилась часть построек... что было там, что невозможно сохранить, что же делать-то, как восстанавливать? Либо отстраивать все заново... либо законсервировать в этом разрушенном состоянии, сохранить то, что осталось... решили, да, восстанавливать, как было» (№ 6). Один из экспертов подтверждает, что именно это решение было принято единолично (№ 3). Встречаются и упоминания о том, как сами сотрудники выбрали подход в оформлении музейного пространства: «мы им предложили такой формат... похожий на музей немецкого фашизма» (№ 9). Индивидуальным выбором, во многом, определялся и подбор экспонатов — «Там большая часть экспонатов — это то, что мы привезли с Колымы» (№ 6, № 3), «собиралось со всей страны... с миру по нитке» (№ 9), «мне удалось одно... убрали одиозные фигуры» (№ 10), «Эта идея В. в голову пришла» (№ 11),— и место проведения мероприятий: «Но даже хозяином земли, где проводится “Пилорама”, являюсь лично я. <...> Если будет независимое финансирование и моя земля, “Пилорама” состоится» (№ 7). Вполне возможно, что такой подход к комплектованию и размещению был отчасти инспирирован увлечением oral history, в которой артефакты уходят на задний план по отношению к проговариваемому / привлеченному как воспоминание нарративу. Неслучайно один из экспертов упоминает, что изначально экспонаты были такого рода и так размещены, что «было ничего не понятно... все базировалось на рассказе экскурсовода» (№ 11).

Личное решение оказывается значимым при работе с партнерами: «...когда наступила “Пилорама”, меня просто умоляли многие директора архивов, чтобы я организовал им поездку в музей “Пермь-36”» (№ 1); «эту конференцию... я ее собирал, собственно» (№ 11). При этом

представители первой команды уверены, что музей после их ухода пришел в упадок: «музей превращался в такой своеобразный центр, очень известный... <...> После того как все это ликвидировали, они превратились в какой-то замкнутую структуру, и их тактика — особо не высываться» (№ 6), что также подразумевает значимость антропологического фактора.

Поскольку артефакты, выставляемые в музеях памяти, не всегда полны и точно атрибутированы, их понимание, а также истолкование требуют, при отсутствии централизованного подхода к теме, личного участия. «Пермь-36», со слов респондентов, не избежала длительных дискуссий при создании (№ 3) и продолжает быть предметом обсуждения. Для понимания того, как позиционирует себя сотрудник в таких спорах, разберем пространные высказывания одного из экспертов (№ 1). Его вовлеченность в трактовку прошлого основана на самом факте проживания в стране — «мне было очень стыдно тогда, что я безмятежно жил в Советском Союзе в то время, когда другие... за свои убеждения страдали»; актуализирована ситуацией общественной реакции — «очень переживал, когда началась критика музея... у меня тоже спрашивали мое мнение»; четко оформлена: «на мой взгляд, музей должен был работать, а общественный музей в лице старого состава и союзников хоронил этот музей». В рассуждениях примечательна уверенность в правоте своей позиции, легитимированная авторитетом: «А.Б. постоянно приезжал к нам... мы с ним вели такие большие беседы по поводу судьбы “Перми-36”, по поводу его развития... как я оценивал деятельность “Перми-36” с точки зрения музейного развития... он со мной соглашался». Музей в таком понимании не существует как учреждение, не опирается на фонды и витрины, он разворачивается в личности и преломляется через ее восприятие.

Музей и самореализация сотрудника. Невозможность бытия музея без человека — «мы создали уникальный объект, который будет существовать, кто бы там ни работал. Если не сожгут, он переживет и нас, и их» (№ 7) — оборачивается аналогичной привязанностью человека к музею: «Даже если я хотел пропустить “Пилораму” (общественно-политическое мероприятие, инициированное музеем «Пермь-36». — С. Р.)... я на нее попадал так или иначе и не пропустил, по-моему, ни одной» (№ 1). Некоторые высказывания придают миссии, связанной с музеем, почти священный статус: «я попытался его переубедить... взять ответственность... нести чей-то крест» (№ 9). И пусть даже «там, по-моему, ничего после нас не восстанавливается» (№ 6), все равно это «лучшая работа в жизни» (№ 8). Несмотря на широкий рынок работы в регионе, «Пермь-36» предстает как одна из наиболее привлекательных точек приложения сил, поскольку дает возможности для личной самореализации и воплощения планов.

Важность человеческого фактора звучит не только в рассказе о себе. В интервью волонтеров, не работающих постоянно в музее, красной нитью проходит уверенность, что персонаж определяет структуру явления и сценарий его действия. Это очень отчетливо видно в студенческих воспоминаниях: «Почему мы поехали? Ну, во-первых, это, конечно, фигура самого В.А., он был очарователен, он был прекрасен просто. <...> ...мы понимали... что если человек так интересно и убедительно все это представляет, то работа будет интересной» (№ 2); «большую часть я от него и узнал» (№ 5); «И.К. бывший надзиратель, да, он над нами насмеялся всячески...» (№ 2); «от него все узнали...» (№ 5). О людях как базе для создания музея говорят сами сотрудники: «Музей существует благодаря усилиям огромного количества людей... <...> Есть люди, которые продолжают» (№ 7), вне зависимости от той роли, которую эти люди выполняли. Это могут быть организаторы финансовой стороны деятельности — «первоначально идея восстановления... на базе этого особого режима создать фермерское хозяйство... и деньги пускать на восстановление. Нашлись два таких энтузиаста» (№ 6) либо оказывающие организационную поддержку представители власти — «первые губернаторы поддерживали... а при Басаргине все это пошло на свертывание» (№ 6). Собеседники в равной мере упоминают и коллектив («при старом руководстве музей становился таким своеобразным, довольно мощным центром, привлекательным» (№ 6)), и отдельных персонажей: «с ним работать весьма непросто» (№ 11); «самодур... но порядочный, конечно... все должно быть так, как именно он придумал... его мнение превалировало» (№ 9); «в конечном счете, все, многое взял на себя» (№ 6). Через призму индивида определяется судьба музея: «главное, кто директор, а дальше само образуется» (№ 9).

Примечательно, что даже те, кто принимал участие в жизни мемориального комплекса «Пермь-36» лишь короткий промежуток времени, утверждают свою личную необходимость, иногда претендуя на ключевые роли: «я вернулся из этой поездки... мы сверили все координаты, все уточнили... и по всем описаниям получилась именно та зона... я как-то в нее так попал. Так она была идентифицирована... <...> Случилась первая смена международного волонтерского лагеря там,

которую я собрал, организовал, возглавлял, координировал, искал деньги, соединял всех друг с другом» (№ 4). Как бы ни трактовали историю музея другие рассказчики, это не меняет специфики самой позиции «Перми-36» как музея, который возникает и реализуется исключительно через человека, а все остальное формируется благодаря волевому конструированию основных акторов.

Заключение

Анализ интервью показывает, что пространство музея в случае мемориального комплекса «Пермь-36» в восприятии участников и сторонних наблюдателей выстраивается как основанное на деятельности конкретных личностей, с минимальным значением содержания фондов и функционирования экспозиции. Очевидно, что большей частью уже отобранный материал включался в работу на основании принимаемых решений о наиболее важных направлениях в работе музея и тех акцентах, которые должны были быть расставлены в процессе презентации артефактов.

«Пермь-36» оказался специфическим местом памяти в связи с тем, что включенные в него памятные вещи как символы выражают собой концентрированную память определенной социальной группы, которая была, непосредственно или косвенно, вовлечена в функционирование колонии. Можно сказать, что это музей коммеморации, ставящий своей задачей мобилизацию памяти о конкретных событиях [Ростовцев, Сидорчук, 2014, с. 19]. В связи с этим возникла проблема передачи памяти остальной части общества, изначально не подготовленной к восприятию травмирующего опыта прошлого, и встал вопрос о том, кто будет основным актором трансляции. Момент сложности в трансляции знания о лагере был усилен тем, что для содержания музея большое значение приобрела реконструкция — в силу утраты значительной части исходно существовавших материальных элементов быта колонии. Поэтому важным стало то, кто и как подбирает артефакты в качестве единиц фонда хранения, какие акценты были сделаны ведущими в их экспозиционной подаче.

В вышеуказанном отношении исключительную роль сыграли и играют те, кто волевым решением определяет экспозиционную и научную канву места памяти. Другими словами, в сконструированных пространствах памяти такого рода в паре «материальный артефакт — работающий с ним человек» доминирует второй компонент, что делает наполнение экспозиции полностью зависимым от личностного фактора. Смена руководителей и идейных вдохновителей проекта создает множество точек бифуркации и связанных с ними новых траекторий в реализации идей по поводу представления о прошлом, его трактовки и оценки. В такой ситуации воспринимаемый наблюдателем хронотоп музея уже не существует как однократно закрепленный. Он подвержен постоянным трансформациям и, возможно, деформациям, под воздействием «демиургов» и способен порождать множественные симулякры.

Финансирование. Исследование проведено при поддержке РФФ, грант № 22-28-00836 «Место без времени, время без места: хронотоп “Пермь-36” в контексте конструирования культурной травмы», <https://rscf.ru/project/22-28-00836/>

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Гизен А. Расколота память: Отражение конфликта вокруг Мемориального центра «Пермь-36» в российских медиа // Журнал исследований социальной политики. 2015. № 3. С. 363–376.
- Гулаг в российской памяти / Под ред. Р. Латыпова. Пермь, 2011. 76 с.
- Иванова О.В., Юреньева Т.Ю. Российские музеи памяти: Пути становления и основные этапы развития // Культурное наследие России. 2021. № 4. С. 86–97.
- Лебедева О. Одно прошлое — две памяти: Сравнительный анализ экспозиции музея истории Беломорско-Балтийского водного пути и музея Соловецкого лагеря особого назначения // Лабораториум. 2018. № 10 (2). С. 134–148.
- Мастеница Е.Н. Феномен музея: Опыт музееологической рефлексии // Вопросы музееологии. 2011. № 1 (3). С. 20–30.
- Митрофанова А.В., Рязанова С.В., Пляйс Я.А. Место как палимпсест событий и интерпретаций в политике памяти (на примере музея «Следственная тюрьма НКВД») // Известия Тульского ун-та. Гуманитарные науки. 2022. № 2. С. 3–16.
- Наварро О. История и память в современном музее: Несколько замечаний с точки зрения критической музееологии // Вопросы музееологии. 2010. № 2. С. 3–11.
- Олик Дж.К. Коллективная память: Две культуры // Историческая экспертиза. 2018. № 4. С. 22–49.
- Политика аффекта: Музей как пространство публичной истории / Под ред. Завадского А., Склез В., Сувериной К. М.: НЛО, 2019. 400 с.

Постная Е. Музей истории ГУЛАГа как отражение травматического опыта // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2016. № 12. С. 68–79.

Практики и места памяти в Казахстане: (Структурно-типологический обзор) / Медеуова К.А., Ермаганбетова К., Кикимбаев М., Мельников Д., Наурызбаева З., Рамазанова А., Сандыбаева У., Толгамбаева Д., Тлепберген А. Астана: Мастер ПО, 2016. 73 с.

Решетников Н.И. Музей и методика изучения историко-культурного и природного наследия. URL: <https://opentextnn.ru/museum/teorija/reshetnikov-n-i-muzej-i-metodika-izuchenija-istoriko-kulturnogo-i-prirodnogo-nasledija-2016/razdel-1-muzej-i-ego-sushhnost/> (дата обращения 22.08.2022).

Рождественская Е. Репрезентация культурной травмы: музеефикация холокоста // Логос. 2017. № 27 (5). С. 87–114.

Ростовцев Е.А., Сидорчук И.В. Музей и историческая память в современной России // Вопросы музеологии. 2014. № 2 (10). С. 16–21.

Саланжа О.С. Культурологическое измерение музея: Морфология музейности // Вопросы музеологии. 2011. № 2 (4). С. 3–13.

Семенов И. Новые ракурсы политик индентичности: трудная память в музеях истории XX века // Мировая экономика и международные отношения. 2020. № 64 (5). С. 16–32.

Смит Л. «Зеркало наследия»: Нарциссическая иллюзия или множество отражений // Вопросы музеологии. 2013. № 2 (8). С. 27–44.

Стаф В.С. Мемориализация «негативного наследия» в современной России на материале лагерных музеев в Пермском крае // Вестник Том. ун-та. 2018. № 428. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/memorializatsiya-negativnogo-naslediya-v-sovremennoj-rossii-na-materiale-lagernyh-muzeev-v-permskom-krae> (дата обращения: 13.09.2021).

Сульжицкий И. Десакрализация коллективной памяти о Холокосте: Кейс государственного музея Аушвиц-Биркенау // Журнал Белорусского госуниверситета. Социология. 2018. № 2. С. 48–66.

Федоров Н.Ф. Музей, его смысл и назначение // Музейное дело и охрана памятников: Экспресс-информация. М.: РГБ, 1992. Вып. 3–4. С. 10–17.

Vogumit Z. Gulag Memories: The Rediscovery and Commemoration of Russia's Repressive Past. N. Y.: Berghahn Books, 2018. 302 p.

Vogumit Z. Stone, Cross and Mask: Searching for Language of Commemoration of the Gulag in the Russian Federation // Polish Sociological Review. 2021. № 1. P. 71–90.

Message K. New Museums and the Making of Culture. Oxford, U.K. and New York, USA: Berg Publishers, 2006. 241 p.

Oushakine S. Remembering in Public: On the Affective Management of History // Ab Imperio. 2013. № 1. P. 269–302.

Radonić L. Post-communist invocation of Europe: Memorial museums' narratives and the Europeanization of memory // National Identities. 2017. № 19 (2). P. 269–288. <https://doi.org/10.1080/14608944.2016.1264377>

Simko Ch. Marking Time in Memorials and Museums of Terror: Temporality and Cultural Trauma // Sociological Theory. 2020. № 38 (1). P. 51–77. <https://doi.org/10.1177/0735275120906430>

Skulskiy D. When Memorials Cease to Commemorate: The Museum of the History of Political Repression in Tomsk as a Place of non-Patriotic Remembering // Museum and Society. 2019. № 17 (3). P. 408–422.

Sodaro A. Exhibiting Atrocity: Memorial Museums and the Politics of Past Violence. New Brunswick, NJ: Rutgers UP, 2018. 227 p.

Violi P. Trauma Site Museums and Politics of Memory: Tuol Sleng, Villa Grimaldi and the Bologna Ustica Museum // Theory, Culture and Society. 2012. № 29 (1). P. 36–75. <https://doi.org/10.1177/0263276411423035>

Williams P. Memorial Museums. The Global Rush to Commemorate Atrocities. Oxford: Berg Publishers, 2007. 226 p.

ИСТОЧНИКИ

Баталина Ю. Виктор Шмыров: В Кучино останутся голые стены. Музей будет умирать. Директор АНО «Мемориальный центр истории политических репрессий «Пермь-36» — о ситуации, сложившейся вокруг этого музея. 22 июля 2014 г. URL: <https://www.newsko.ru/articles/nk-1749725.html> (дата обращения 22.08.2022).

Виктор Шмыров: Мы надеялись, что скажут: «Извините, кто-то ошибся». URL: <https://properm.ru/news/society/62409/> (дата обращения 22.08.2022).

Виктор Шмыров: «Новая команда, безусловно, перепрофилирует музей “Пермь-36”... Такой музей имеет право на существование, но ему не нужны наши коллекции». URL: <http://pmem.ru/4336.html> (дата обращения 22.08.2022).

Закон Пермской области: Об областной целевой программе «Мемориальный центр истории политических репрессий “Пермь-36”» на 2002–2005 годы. URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?doc_itself=&backlink=1&nd=155018108&page=1&rdk=2#10 (дата обращения 03.07.2021)

История человека, история музея «Пермь-36» // Эхо Москвы-Пермь. URL: http://www.president-sovet.ru/presscenter/press/istoriya_cheloveka_istoriya_muzeya_perm_36_ekho_moskvy_perm/ (дата обращения 22.08.2022).

Концепция развития ГБУК ПК «Мемориальный музей-заповедник истории политических репрессий “Пермь-36”». URL: <https://perm36.com/upload/upload/docs/Концепция%20развития%20Пермь-36%2029.11.2019%20подписанная.pdf> (дата обращения 02.09.2021).

Мемориал. Эпизод 1. URL: <http://prequel.memo.ru/> (дата обращения 12.09.2021).

К вопросу о конструировании социальной памяти: антропология музея «Пермь-36»

Музей истории политических репрессий «Пермь-36» отмечает свое 10-летие // РИА-новости. 03.09.2005. URL: <https://ria.ru/20050903/41284888.html> (дата обращения 02.07.2021)

Началось уничтожение музея «Пермь-36» // Грани.ру. 16.07.2014. URL: <https://grani-ru-org.appspot.com/Politics/Russia/Regions/m.231137.html> (дата обращения: 10.09.2021).

«Нужно, чтобы посетитель не только увидел, а понял — что такое ГУЛАГ» — Виктор Шмыров. URL: <https://echoperm.ru/interview/299/93689/> (дата обращения 22.08.2022).

«Пермь-36». Мемориальный музей истории политических репрессий. Стратегия развития и отчет о деятельности в 2002 г. М., 2003. 112 с. // ГКБУ «Пермский государственный архив социально-политической истории» Ф. № 2948. Оп. 1. Т. 7. Д. 694.

Постановление администрации Пермской области № 156 от 08.10.1993: Об организационных мерах по реализации программы «Урал-ГУЛАГ».

Постановление администрации Пермской области № 235 от 30.08.1994 // КонсультантПлюс. URL: <https://base.garant.ru/16149647/> (дата обращения 01.07.2021).

Постановление губернатора Пермской области № 375 от 15.12.1995: О развитии мемориального музея истории политических репрессий и тоталитаризма. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&prevDoc=155098243&backlink=1&&nd=155012455&rdk=2&refoid=155098260> (дата обращения 02.07.2021)

Программа «Мемориальный музей истории политических репрессий и тоталитаризма в СССР (Пермь-36) // Решение Законодательного собрания Пермской области № 815 от 25.07.1997. URL: <http://www.nordcup.ru/index.php?ds=344461> (дата обращения 01.07.2021).

Руководство музея «Перми-36» наказали за оправдание сталинских «шарашек» // Коммерсант. 14.04.2016. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/2963352> (дата обращения: 10.09.2021).

Holm K. Auferstanden aus Siegerlager // Frankfurter Allgemeine Zeitung. 2015. 29 Juli. URL: <https://www.faz.net/aktuell/feuilleton/nicht-wiederzuerkennen-das-gulag-museum-in-perm-13724175.html> (дата обращения: 10.09.2021).

Riazanova S.V.

Perm Federal Research Center of Ural Branch of RAS
Lenina st., 13a, Perm, 614990, Russian Federation
Perm State Agro-Technological University
Petrovavlovskaya st., 23, Perm, 614990, Russian Federation
E-mail: svet-ryazanova@yandex.ru

On the issue of construction of social memory: anthropology of the “Perm-36” museum

The study does not imply either documentation of the repressions, or working in the field of oral history. The article provides a vision of how the key figures in the history of the museum form its history and image. The source base includes a series of expert interviews with the founders and administrators of the museum at various stages of its existence, and a number of concepts for the arrangement of Perm-36 during various years, as well as Internet and media publications, allowing to verify the obtained data. The text attempts to reconstruct the history of the formation and functioning of the Perm-36 museum, highlighting the periods of its activity associated with a change in leadership and the appointment of a number of new employees in its management and research structures. In the process of the analysis, the author compares various perspectives on what is the purpose of the museum located at the site of the camp, and what is the place of the museum in the socio-political reality. The analysis is based on the identification of groups of statements related to various aspects of creation and functioning of the Perm-36 memorial complex. The museum is considered as a place of application of multidirectional efforts of various actors, which provokes significant changes in approaches to its arrangement and to its functions in the public space. The concept of “demiurge” is introduced to designate a social agent who constructs the space of historical and social memory based on its own ideas and vision. Public figures, researchers and museum employees, who play a significant role in determining the structure of museum collections, ways of their presentation and types of social activities, are seen as the key factor that shapes the image of the museum in the region, nationally, and internationally. The material base in this situation appears secondary to the methods of its interpretation, principles of selecting items, and the use of supplementary means for their exhibiting. Research interests, social agenda and personal ambitions of the main actors become determinant for the formation of the museum chronotope.

Keywords: authorized discourse of cultural heritage, politics of memory, commemoration, museum anthropology.

REFERENCES

- Bogumił, Z. (2018). *Gulag Memories: The Rediscovery and Commemoration of Russia's Repressive Past*. New York: Berghahn Books.
- Bogumił, Z. (2021). Stone, Cross and Mask: Searching for Language of Commemoration of the Gulag in the Russian Federation. *Polish Sociological Review*, (1), 71–90.
- Giesen, A. (2015). Memory Divided: Representation Of The Conflict Around Memorial Centre “Perm-36” in The Russian Media. *Zhurnal issledovanií sotsialnoi politiki*, (3), 363–376. (Rus.).

Fedorov, N.F. (1992). Museum, its meaning and purpose. *Muzeynoye delo i okhrana pamyatnikov: Ekspres-inform*, (3–4), 10–17.

Latypov, R. (Ed.) (2011). *GULAG in the Russian memory*. Perm. (Rus.).

Ivanova, O.V., Yureneva, T.Yu. (2021). Russian museums of memory: Ways of formation and main stages of development. *Kul'turnoye nasledie Rossii*, (4), 86–97. (Rus.).

Lebedeva, O. (2018). One Past, Two Memories: Comparing the Exhibitions at the Museum of the White Sea — Baltic Sea Canal and the Museum of the Solovki Prison Camp. *Laboratorium*, 10(2), 134–148. (Rus.).

Mastenitsa, E.N. (2011). The Museum Phenomenon: The experience of museological reflection. *Voprosy muzeologii*, 1(3), 20–30. (Rus.).

Message, K. (2006). *New Museums and the Making of Culture*. Oxford, U.K. and New York, USA: Berg Publishers.

Mitrofanova, A.V., Ryazanova, S.V., Plyays, Y.A. (2022). Place as a palimpsest of events and interpretations in the politics of memory (on the example of the NKVD Investigative Prison museum). *Izvestiya Tul'skogo universiteta. Gumanitarnyye nauki*, (2), 3–16. (Rus.).

Navarro, O. (2010). History and memory in the modern museum: Some remarks from the point of view of critical museology. *Voprosy muzeologii*, (2), 3–11. (Rus.).

Olik, J.K. (2018). Collective memory: Two cultures. *Istoricheskaya ekspertiza*, (4), 22–49. (Rus.).

Oushakine, S. (2013). Remembering in Public: On the Affective Management of History. *Ab Imperio*, (1), 269–302.

Postnaya, E. (2016). GULAG History Museum as a mirror of traumatizing experience. *Interaktsiia. Interviu. Interpretatsiia*, (12), 68–79. (Rus.).

Radonić, L. (2017). Post-communist invocation of Europe: Memorial museums' narratives and the Europeanization of memory. *National Identities*, 19(2), 269–288. <https://doi.org/10.1080/14608944.2016.1264377>

Reshetnikov, N.I. *Museum and methodology for studying the historical, cultural and natural heritage*. (Rus.). URL: <https://opentextnn.ru/museum/teorija/reshetnikov-n-i-muzej-i-metodika-izuchenija-istoriko-kulturnogo-i-prirodnogo-nasledija-2016/razdel-1-muzej-i-ego-sushhnost/>.

Rozhdestvenskaya, E. (2017). Representation of cultural trauma: Museumification of the Holocaust. *Logos*, 27(5), 87–114. (Rus.).

Rostovtsev, E.A., Sidorchuk, I.V. (2014). Museum and historical memory in modern Russia. *Voprosy muzeologii*, 2(10), 16–21. (Rus.).

Sapanzha, O.S. (2011). Culturological dimension of the museum: Morphology of museumness. *Voprosy muzeologii*, 2(4), 3–13. (Rus.).

Semenenko, I. (2020). New dimensions of identity politics: contested memories in history museums of the 20th century. *Mirovaia ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniia*, 64(5), 16–32. (Rus.).

Simko, Ch. (2020). Marking Time in Memorials and Museums of Terror: Temporality and Cultural Trauma. *Sociological Theory*, 38(1), 51–77. <https://doi.org/10.1177/0735275120906430>

Skulskiy, D. (2019). When Memorials Cease to Commemorate: The Museum of the History of Political Repression in Tomsk as a Place of non-Patriotic Remembering. *Museum and Society*, 17(3), 408–422.

Sodaro, A. (2018). *Exhibiting Atrocity: Memorial Museums and the Politics of Past Violence*. New Brunswick, NJ: Rutgers UP.

Smith, L. (2013). “Mirror of heritage”: narcissistic illusion or many reflections. *Voprosy muzeologii*, 2(8), 27–44. (Rus.).

Staf, V. (2018). Memorialization of the “Negative Heritage” in Modern Russia on The Basis of the Camp Museums in Perm Krai. *Vestnik Tomskogo universiteta*, (428), 183–187. (Rus.).

Sulzhytskii, I. (2018). Desacralization of collective memory of the Holocaust: Case of the Auschwitz-Birkenau Memorial and Museum. *Zhurnal Belorusskogo gosuniversiteta. Sotsiologiya*, (2), 48–66. (Rus.).

Violi, P. (2012). Trauma Site Museums and Politics of Memory: Tuol Sleng, Villa Grimaldi and the Bologna Ustica Museum. *Theory, Culture and Society*, 29(1), 36–75. <https://doi.org/10.1177/0263276411423035>

Williams, P. (2007). *Memorial Museums. The Global Rush to Commemorate Atrocities*. Oxford: Berg Publishers.

Zavadsky, A., Sklez, V., Suverina, K. (Eds.) (2019). *The politics of affect: Museum as a space of public history*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. (Rus.).

Рязанова С.В., <https://orcid.org/0000-0001-5387-9387>

Сведения об авторе:

Рязанова Светлана Владимировна, доктор философских наук, доцент, ведущий научный сотрудник, Пермский федеральный исследовательский центр УрО РАН, г. Пермь.

About the author:

Ryazanova Svetlana V., Doctor of Philosophical Sciences, Associate Professor, Leading Researcher, Perm Federal Research Center, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Perm.



This work is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

Accepted: 27.02.2023

Article is published: 15.06.2023